

Будучи сиротой, рано потерявшим мать, и работая фотографом в географическом журнале, где общение с людьми было минимальным, Август в прошлой жизни почти не имел опыта взаимодействия с окружающими. Большинство заданий редактор передавал ему через интернет. Как заядлый сетевой юноша, чьи пальцы летали по клавиатуре быстрее мыслей, он и понятия не имел, что значит вести беседу искусно. Проще говоря, он страдал от социальной тревожности.

За восемь лет своей нынешней, детской жизни он наговорил уже почти столько же, сколько за всю предыдущую взрослую.

Благодаря урокам этикета, которые длились меньше года, Август после нескольких попыток наконец сделал робкий первый шаг — попытался похвалить Рафаэля.

Учительница по этикету говорила, что обсуждение погоды и комплименты собеседнику — отличный способ начать разговор.

Но Август всё испортил. Его похвала, кажется, лишь заставила Рафаэля замереть — случай редкий, ведь тот обычно с лёгкостью парировал любое слово.

Внутри Августа даже зародилось странное чувство гордости.

В конце концов его терпение лопнуло, и он решил спросить напрямую. Скоро Рождество, и можно использовать предлог подарка, чтобы выведать желание Рафаэля.

Освещённый огнём камина, с покрасневшими от жара щеками, герцог произнёс тоном, который, как ему казалось, не выдавал истинных намерений:

— Йер!

Французское произношение имени Рафаэля — «Рафаэль». Королева-мать из Франции использовала сокращение «Йер» как ласковое прозвище. На шумерском оно означало «сияющий» и «славный», отражая надежды, которые Королева-мать возлагала на Рафаэля. Лишь немногие могли называть его так.

Рафаэль отложил рукописную книгу, украшенную золотыми нитями, и, усмехнувшись, наклонился ближе:

— М-м?

Он подошёл слишком близко. Будучи теоретиком, но не практиком, Август, хоть и любил глазеть на мужскую красоту, в прошлой жизни был неопытным юнцом, который даже редко предавался рукоблудию. Внезапная близость с идеалом превратила его в заику, а золотистый вихор на макушке застыл, словно от ветра.

Рафаэль терпеливо смотрел на Августа и снова издал тот же магнетичный, вопросительный звук:

— М-м?

Август резко опустил голову:

— Сег-сегодня хо-хорошая погода, да?

...

Неловкость. Смертельная, душераздирающая неловкость, от которой Август готов был провалиться сквозь землю.

— Пфф, — Рафаэль не сдержал смеха. Он притянул к себе лёгкого, как пёрышко, Августа и усадил того на колени, лицом к лицу. — Я твой дядя. Ты можешь сказать мне всё что угодно, хорошо? Не бойся.

Эта поза легко могла заставить любого теоретического джентльмена начать думать о непристойностях, дядя!

Август полностью застыл, будто под действием заклятья окаменения — как в сказке о Гарри Поттере, которую он так любил. Поэтому-то он и считал, что серебряный и зелёный — истинные цвета аристократии. Хотя в реальности символом английской короны были три золотых льва на красном поле.

Они знали друг друга уже почти два месяца, и Рафаэль решил, что можно позволить себе чуть больше близости. Он коснулся высоким носом маленького носика Августа.

Затем вновь произнёс мягким, почти растворяющим голосом:

— Хорошо, Ол?

— Хо-хорошо, — прошептал Август так тихо, что звук едва долетел.

— Тогда расскажи, чем ты всё это время занимался, — мягко, но настойчиво продолжил Рафаэль.

Сбитый с толку Август, потеряв инициативу, сболтнул о себе всё, ничего не узнав о Рафаэле. Он выложил свои дела и желания, не получив взамен ни слова о планах дяди.

Реакция Рафаэля была не менее удивлённой.

Такой способ заботы, конечно, был оригинальным и креативным, но...

— Мне нравится, — Рафаэль тут же поцеловал Августа в розовую щёчку. Поцелуй был лёгок, как снежинка, прохладен, но с теплом тающего льда.

Август: «Неужели у меня появилось ощущение, будто мной воспользовались?»

Нет, нет! Рафаэль такой красивый! Если уж кто кем и воспользовался, так это он, Август! В отчаянии герцог решил ответить взаимностью и с внезапной дерзостью принялся целовать Рафаэля: раз в левую щёку, раз в правую. Щёки красавца были так приятно пахнущи! Не навязчивым, искусственным ароматом духов, а свежестью, с лёгким зимним холодком, который не обжигал, но и не замораживал.

И... дядя с племянником продолжили обмениваться поцелуями.

Август был на грани слёз. Ему казалось, что сценарий пошёл не туда, но он не мог понять, где именно свернул не туда. Впрочем, он изначально не питал иллюзий насчёт своего ума и был готов к разоблачению.

Ах, да! Ему же нужно было узнать предпочтения Рафаэля!

— Скоро Рождество. Что бы ты хотел получить в подарок? — Усвоив урок, Август решил бить

напрямую.

— А разве можно спрашивать об этом в лоб?

— Я ведь раньше тебя не знал, — оправдался Август.

— Что ж, тогда мы можем узнать друг друга получше, — улыбнулся Рафаэль с видом полнейшей невинности.

— Да! — обрадовался Август, что Рафаэль так легко пошёл навстречу, и засыпал его вопросами:

— Какие у тебя вообще предпочтения? Что любишь есть? Что носить? Есть ли у тебя мечта, которую ты обязательно хочешь осуществить?

Рафаэль: «...И какое отношение это имеет к рождественскому подарку?»

Хотя он так и подумал, но всё же с улыбкой ответил:

— Вообще-то, я предпочитаю китайскую кухню.

— ...Что? — В миндалевидных, кошачьих глазах Августа читалось полное недоумение. Он переспросил:

— Китайскую кухню?

Рафаэль снова приблизился так близко, что их дыхание, казалось, сливалось воедино:

— Да. Мне всегда было интересно, каков она на вкус. Тебе не нравится?

— Ну... мне больше по душе французская кухня, — смутился Август, его глаза невольно опустились вправо — верный признак лжи. Но ему казалось, что он солгал убедительно: в конце концов, вся Европа тогда восхищалась всем французским — от архитектуры до моды, а французский язык, наравне с латынью, был обязательным для знати.

Протоколы официальных заседаний в Англии на протяжении сотен лет вели на французском. Учёные будущего, открывая эти пергаменты, наверняка проливали слёзы. Изучать английскую историю, зная французский и латынь, — настоящее испытание.

— Тебе нравится французская кухня? — Рафаэль задумчиво повторил эту фразу.

Знакомая опасная, мягкая интонация вновь охватила Августа. Он поспешно сполз с колен Рафаэля, бросив: «Уже поздно, я пойду спать», — и пустился наутек.

Рафаэль, подперев голову рукой, смотрел, как коротконогий герцог удаляется, и думал, что тот понятия не имеет, что такое настоящая вина.

На следующее утро Августу принесли запоздавшую лондонскую газету, аккуратно выглаженную старым дворецким.

В прошлой жизни Августа европейские газеты появились в середине XV века, поэтому он не был уверен, было ли их появление в этом вымышленном мире следствием естественного хода истории или очередным «изобретением» Рафаэля. Как бы то ни было, эта еженедельная газета, освещавшая важнейшие события в стране и мире, здорово облегчала жизнь Августу-

затворнику, помогая ему лучше понять средневековую Европу.

Что касается глажки газет, Август раньше видел это лишь в английских и американских сериалах и тогда не мог понять странных привычек богачей. Теперь же он знал: газеты гладили, чтобы свежие чернила не пачкали руки аристократов.

В первые сто лет после появления книгопечатания в Европе технология была ещё очень несовершенна, и пачкающиеся чернила были одним из её главных недостатков.

<http://bllate.org/book/15929/1423838>